

О "ТОЛСТОВЦАХ" — СТАЛИНУ И. В.

1 декабря 1929 года в Соловецкий лагерь особого назначения была отправлена группа "толстовцев": И. П. Баутин, А. И. Григорьев, Ю. И. Неаполитанский, Б. В. Песков и И. М. Сорокин.

В феврале 1930 — к И. В. Сталину обратился Владимир Григорьевич Чертков, секретарь и друг Льва Толстого, после революции сохранивший репутацию духовного руководителя "толстовцев".

<5 февраля 1930>

«Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

С риском показаться Вам докучливым, решаюсь обратиться Ваше внимание на тяжелое положение группы, так называемых, "толстовцев", отбывающих наказание в Соловках. По возрасту моему (75 лет) и по состоянию моего здоровья, я могу в любую минуту умереть (как, впрочем, и каждый, независимо от возраста), и до смерти я хотел бы высказать Вам по этому делу, как человек человеку, то, что у меня на душе, по тем сведениям, которые я получил.

* * *

Дело в следующем: 29 октября прошлого года в Москве одновременно были арестованы несколько молодых людей, так называемых, "толстовцев", уже отсидевших разные сроки за отказы от воинской службы по религиозным убеждениям: Иван Прокофьевич Баутин (мой личный секретарь) Борис Васильевич Песков, Иван Михайлович Сорокин и Юрий Иванович Неаполитанский. Всех их продержали до 1 декабря пр<ошлого> г<ода>, после чего выслали в Соловки на 5 лет вместе с Алексеем Ивановичем Григорьевым, также "толстовцем", отсидевшим свой срок за отказ от военной службы. В Соловках они оказались в ужасных условиях, так как уголовные, с которыми они сидели, их обокрали догола, таким образом, лишив их зимой всякой теплой одежды. А главное, над ними за то, что они по требованию совести отказались от принудительных работ, стали производить различные пытки — правда, без применения непосредственных побоев или увечий, но не менее мучительные по причиненным страданиям. Прилагаемая записка содержит краткое описание того, что им приходится там переносить.

Не знаю в точности, в чем их обвиняют, но могу ручаться за то, что они, по своим убеждениям отвергая всякие конспирации и насилие, никогда не станут участвовать ни в каких заговорах против советской власти. Мне кажется, Вы согласитесь с тем, что участь, постигшая их (5 лет Соловков) слишком сурова.

* * *

До меня дошли сведения, что при допросе их обвиняли в: 1) антимилитаризме, 2) помощи заключенным-единомышленникам и 3) участии в "кружке молодежи".

Антимилитаризм. Они не отрицают, что они антимилитаристы, но пропаганды в этом направлении среди населения они не вели.

Помощь заключенным. Заключенные "толстовцы" находятся в большой нужде. Помимо обычного затруднения для всех заключенных

получать передачу от своих семейных, живущих далеко или не имеющих средств для помощи, положение "толстовцев" ухудшается еще и тем, что почти все они убежденные вегетарианцы и стеснены в принятии тюремной пищи. Та скромная помощь, которую я им оказываю на собираемые от друзей небольшие средства, не является в моих глазах незаконной.

Участие в "кружке молодежи". "Кружок молодежи" с закрытием Московского вегетарианского общества имени ТОЛСТОГО перестал существовать. В том же, что некоторые друзья и единомышленники, более или менее разделяющие взгляды ТОЛСТОГО, собираются иногда в гости друг к другу, между прочим, и ко мне, для взаимного общения и беседы о том, что их интересует, не вижу ничего предосудительного.

Что касается деяний, инкриминируемых "толстовцам", но не предъявляемых им при допросах, то, конечно, защищаться от этих обвинений, не зная их, совершенно невозможно. Например, существует "негласное" обвинение многих из нас в "шпионаже". Опровергать такое обвинение возможно только при разборе поведения каждой индивидуальной личности. Здесь же могу только сказать, что придание такого характера каким-либо действиям "толстовцев" есть страшная придирка и что, по существу своему, обвинение это безусловная ложь.

* * *

Когда указанная группа "толстовцев" прибыла в Соловки, на Попов остров в карантин, то она была так поражена грубым до бесчеловечности обращением ближайшего начальства с уголовными, которые подвергались при этом полному подавлению человеческой личности, — что под полученным ими невыносимо тяжелым впечатлением — они решили отказаться от всяких принудительных работ, предписываемых этим самым ближайшим начальством. В этом отказе они руководились тем убеждением, что, подчиняясь беспрекословно человеку, так обращающемуся с людьми-братьями, они не только сами поступили бы неправильно, но и развращали бы и тех, кто ими повелевает. Они хотели также разделить одну участь со всеми и не быть в привилегированном положении.

Этим людям особенно тяжело переносить режим Соловков, так как все они вегетарианцы, здоровье их уже было подорвано в самые юные годы тем, что они, как антимилитаристы, отбывали в свое время разные сроки тюремного заключения за отказ от военной службы по религиозным убеждениям. Уже до Соловков трое из них были очень слабы здоровьем, а в настоящее время, вследствие перенесенных в Соловках испытаний, здоровье их совершенно подорвалось и внушает самые серьезные опасения за жизнь (мне известно, что один из ранее сосланных туда "малеванцев", разделяющих те же убеждения, Бебек И. В., уже умер, не выдержав, по-видимому, подобных испытаний. Сколько было и есть в Соловках таких людей, какие они переносили страдания и сколько было от этого смертей, мне, конечно, не известно).

* * *

На основании того, что я Вам сообщил, позволяю себе обратиться к Вам, многоуважаемый Иосиф Виссарионович, с убедительнейшей просьбой избавить этих людей, если они живы, от столь суровой кары и, если уже Вы считаете нужным их карать, то перевести их в другие места ссылки, где их жизнь или сколько от нее осталось, была бы сохранена и, где они могли бы кормить себя земледельческим трудом.

А прежде всего прошу Вас способствовать тому, чтобы дана была в Соловки срочная телеграмма с прекращением крутых мер принуждения к этим людям. Само собой разумеется, что я готов устно сообщить по этому делу все те дополнительные сведения, которыми располагаю.

С надеждой, что я не ошибся, полагая, что Вы не посетуете на меня за это письмо. Остаюсь искренне уважающий Вас

5 февраля 1930 г<ода>.

Адреса:

Городской: ул. Баумана, Лефортовский пер., д. 7а

тел<ефон> 2.03.25 и 2.83.07

Загородный: Всехсвятское, уг<ол> ул. Левитана и пер. Тропинина,
д. 18/6

тел<ефон> 1.06

Кстати, посылаю Вам при сем, Иосиф Виссарионович, копию с моего ответа на полученные мною вопросы от Института Ленина при ЦК партии.

Этот ответ, быть может, возобновит в Вашей памяти отношение В. И. Ленина к сектантскому вопросу»¹.

На письме — три пометы секретаря ПКК:

«През<идиум> и СПО».

«От Черткова. Копия».

«В Архив».

Записка о заключенных в Соловках пяти, так называемых, "толстовцев".

Ниже поименованные, так называемые, "толстовцы", были 1 декабря 1929 г. посланы из Москвы в Соловки на пять лет.

1) Иван Прокофьевич БАУТИН (личный секретарь В. Г. Черткова) был секретарем Московского вегетарианского общества имени Л. Н. Толстого до его закрытия. По происхождению крестьянин с Украины. При призыве на военную службу отказывался от нее по религиозным убеждения и отбыл положенный срок наказания. Пребывание в тюрьме в особенно тяжелых условиях сильно отразилось на его здоровье. Продолжительное заключение в Соловках (5 лет) навряд ли выдержит. Он принципиально отказался от принудительной работы. Тем не менее, его отвезли в Парандово на Балонах (место самых тяжелых лесозаготовок). С половины января его снова вернули на Попов остров, неизвестно по какой причине. Дальнейшая судьба его неизвестна, но так как он ни на какие работы по принуждению не соглашается, то можно опасаться того, что его подвергают мучительным наказаниям, которые он может не выдержать, несмотря на большую свою стойкость. Друзья его сомневаются, жив ли он в настоящее время.

2) ГРИГОРЬЕВ Алексей Иванович, крестьянин по происхождению. По прибытии на место ссылки, несмотря на отказ от принудительной работы, отправлен с Попова острова в командировку на работы за 90 километров пешком. На новом месте опять отказался от работы. Его назначили в карцер и к наказанию на 5 суток на "вышку". Вышка — это постройка в 3 сажени высоты на самом ветреном месте с открытой площадкой наверху. Наказываемый должен стоять целый день лицом к ветру без верхней одежды, а ночь проводить в сыром, холодном карцере со вшами, крысами и испражнениями. На третий день солдат, карауливший ГРИГОРЬЕВА, пожалел его и повязал ему теплый шарф под белье. Для согревания один

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 406. Л. 68-70. Машинопись.

из арестантов научил ГРИГОРЬЕВА искусственно дрожать. Благодаря этому, он выдержал свое испытание, и через 5 дней снова отказался от работы. Его погнали в штрафную роту — обратно за 90 километров. Там, за новый отказ от работы, его назначили к новому испытанию — стоять 3 дня лицом к ветру. Здоровый и жизнерадостный человек, ГРИГОРЬЕВ теперь представляет из себя совершенно больного с расшатанными нервами человека, с лицом, подергиваемым судорогами и с беспричинным смехом или рыданиями.

3) НЕАПОЛИТАНСКИЙ Юрий работал в фото-кинематографическом учреждении. Отбывал тюремное заключение за отказ от военной службы по религиозным убеждениям. Болен туберкулезом. Назначен работать в канцелярию в Соловках.

4) ПЕСКОВ Борис по происхождению рабочий. Отказывался от военной службы по религиозным убеждениям. Из тюрьмы вышел с расшатанным здоровьем. Во время пребывания его в Соловках известно, что ему назначили наказание "Секиркой", которое считается одним из самых тяжелых. "Секирка" — это продолговатая комната, вся в щелях, ветер дует насквозь, страшная сырость и посредине этой комнаты по боковым стенам две узких доски-лавки без спинок. На этих узких лавках должны сидеть наказываемые с ногами в висячем положении. За ними следят, чтобы они ни с кем не разговаривали, не двигались и не касались ногами пола. Если они двинутся или заговорят, то срок наказания набавляют. Дальнейшая судьба ПЕСКОВА неизвестна, и за жизнь его также опасаются друзья.

5) СОРОКИН Иван Михайлович, крестьянин. Будучи учеником земледельческой школы военного типа, он однажды назначен был ночным караульщиком яблок в саду, и в темноте нечаянным выстрелом из ружья убил человека. Его судили и оправдали, но сам он не мог оправдать себя и страдал до тех пор, пока в одной из книжек Толстого не нашел ответа на мучивший его вопрос. С тех пор он сделался его последователем и отказался от военной службы. На суде Военного Трибунала он поражал прямыми, искренними и умными ответами. Последнее время занимался на родине крестьянским хозяйством и жил вне Москвы. В этот раз он привез в Москву свою больную мать для определения ее в больницу и, находясь у БАУТИНА в гостях в вечер ареста последнего, был также арестован. По прибытии на место ссылки, назначен на работу по канцелярской части в Кеми, что считается очень удобным, но он не захотел быть в привилегированном положении и отказался. После этого его посадили на голодный паек: полфунта хлеба и стакан воды в день. На таком пайке он жил приблизительно месяц, совершенно обессилел и заболел. Врачи положили его в лазарет и в январе месяце дали отпуск на две недели. За время голодного пайка СОРОКИН, ослабевший, лежал на грязном полу во вшах под нарами, в страшной грязи, потому что в бараках карантина заключенные должны убирать сами, но не могли, так как почти все были поголовно больны и слабы. Сейчас СОРОКИН согласился работать в больнице санитарную работу, чтобы хоть немного облегчить тяжелое положение массы больных. Вид СОРОКИНА ужасный. Хотя он приехал в Соловки здоровым и крепким, теперь он говорит слабым медленным голосом, почти шепотом, ходит с трудом, как тень.

Необходимо несколько слов пояснения для того, чтобы незнакомые с верою "толстовцев" могли понять мотивы их поведения.

Находящиеся в заключении "толстовцы" и люди одинаковых с ними убеждений, когда с них требуют работы по принуждению, находятся в исключительно тяжелом положении. Религия их состоит в том, что каждому человеку надо следовать указаниям своей совести, не допуская над нею никакой посторонней власти. Они могут исполнять только те

требования "начальства", которые сами считают разумными. Поэтому многие требования, которые в обычном порядке беспрекословно исполняются остальными заключенными, они исполнять не могут. Притом, веления совести у различных людей этой религии различны. И степень стойкости в неотступлении от этих велений под давлением физических мучений также различна, смотря по индивидуальным свойствам каждого. Те же из них, кто отказывается от принудительных работ, поступают так опять-таки по различным мотивам, согласно особенному индивидуальному пониманию каждого. Одни считают, что, так как все люди равны, то не следует одним начальствовать, а другим подчиняться. На этом основании они отказываются от исполнения всяких приказаний. Другие отказываются только от исполнения тех принудительных работ, которые они считают неразумными, но признаваемые ими полезными работы, хотя бы и принудительные, они соглашаются выполнять. Третьи, наконец, соглашаются даже на работы, полезности которых они не признают, но и зловредности которых они не видят. Кроме того, бывает, что "толстовцы" отказываются от работ и даже от всякого повиновения, вследствие возмущения против бесчеловечного обращения вокруг них начальства с заключенными или в виде протеста против такого обращения»².

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 406. Л. 71-78. Машинопись.